

БЕЛГРАВИЯ

« Приобретайте квартиры в
Московской Белгравии-
престижном районе Зубовской
площади, Неопалимовских
переулков и знаменитого
Девичьего поля»

Реклама на « Эхе».

Белгравия- один из самых красивых районов Лондона был построен в 1827 году на месте осушенных болот по проекту архитектора Джорджа Базери из гравия, вывезенного из дока Святой Катерины.

Выходишь из метро " Площадь Виктории ", поворачиваешь налево и вскоре погружаешься в атмосферу покоя и элегантности.... Двухэтажные особнячки из красного и белого кирпича выстраиваются в ровные линии , сходящиеся к скверу на центральной площади. Возможно, что это сочетание красного и белого- цветов столь разных по своей метафизической сущности создает ощущение гармонии, которую нелегко достичь и поэтому надо беречь...Народу мало, движения мало. Все застыло как на картине. Кажется, что район создан не для того, чтобы в нем жить, но, чтобы им любоваться.

.....
..

Переулки, ветвящиеся между Зубовской площадью и Плющихой, в одном из которых после революции обосновалась наша семья, не были созданы, чтобы ими любоваться- там кипела жизнь.

Квартира на первом этаже дома 11а в Долгом переулке (ныне улица Бурденко) принадлежала моей бабушке- Ольге Ивановне Заремба (урожденной Бибиковой),

которая служила заведующей канцелярией на высших женских курсах в Москве, а ее муж- поляк Антон Владиславович Заремба имел большой отдел в «Русских ведомостях». Вот в эту-то квартиру и переехала вся многочисленная Бибииковская семья после того как их имение " Тихий хутор" в Тульской губернии было разграблено во время гражданской войны.

Брат Ольги Ивановны, мой дед- Иван Иванович Бибииков был человек явно не заурядный. Внешностью очень похожий на Чехова: тот же разрез глаз, пенсне, бородка...он совмещал в себе сдержанность, рассудительность и холодность со страстностью, проявлявшейся в разных увлечениях, которым предавался всю жизнь.

Первым из них была революционная деятельность. Закончив юридический факультет он до 1905-го года осуществлял связь между Лениным и Плехановым, жившим в Швейцарии . Его партийная кличка была " Клещ". В одном из писем Ленин упоминает, что приезжал «Клещ» и что-то ему сообщил... За эту деятельность он был три раза арестован, сидел в разных тюрьмах, заработал туберкулез и, в конце концов, был отпущен на поруки своего друга- известного адвоката- под честное слово, что этой гадостью больше заниматься не будет. Слово он сдержал.

Следующей страстью были ирландские сеттера. Здесь он составил себе имя, известное до сих пор...Его собаки Ральф и Няяда стали знаменитыми и положили начало определенному типу ирландцев... Есть старая фотография, сделанная еще в имении: в саду за столом, на котором стоит самовар, в плетеных креслах важно восседают три сеттера...И, если во время прогулки по улице или по лесной дорожке к вам на всех парах подлетает длинноногий, длинноухий рыжий красавец- знайте, дело здесь не обошлось без Ивана Ивановича Бибиикова.

Потом были шахматы. Он ни в чем не любил быть дилетантом : к шахматам, как и ко всему чем занимался, относился серьезно- тратил много времени, изучал теорию, и по воспоминаниям, за достоверность которых не ручаюсь, играл на уровне Чигорина.

Были и другие страсти, но одна прошла красной нитью через всю его жизнь- женщины... . По меркам истинных ловеласов не так уж и много- всего пять жен...Но именно жен! Не любовниц, не подруг, а обязательно -жен. В этом

вопросе он тоже был очень серьезен: каждый раз разводился, женился, пытался завести семью...Однако, повторяю, человек он был холодный, строгий, и многих женщин это, видимо, не устраивало. Наиболее благополучно сложился его брак с последней женой, которую он «увел» у соседа по даче...Дачами этими, кстати говоря, был существующий и поныне, поселок Сокол, в строительстве которого он принимал участие... Но счастье это было, увы, недолгим. В 30-х годах, опасаясь ареста- тогда арестовывали многих, а уж связному между Плехановым и Лениным, способствовавшему разведению в России ирландских сеттеров, этой судьбы было явно не избежать- он уехал работать на Кольский полуостров в Хибины, где у него обнаружился рак пищевода. В Москву он вернулся тяжело больным человеком, был прооперирован и, не желая оставаться калекой, принял большую дозу морфия. Сделал он это в свой день рождения. Ему исполнилось 52 года.

Одной из его жен была детский врач из Петербурга - Цицилия Львовна Сливко, родившая ему двух дочерей: Таню и Валю. От Татьяны Ивановны Бибиковой не без участия Георгия Алексеевича Скребицкого, летом 1934 года, в родильном доме Грауермана родился я.

Детство свое помню довольно смутно, но память высвечивает фасады домов, дворы, переулки, по которым меня водили гулять; целые кварталы материка, раскинувшегося между Содовым кольцом и Плющихой, спускающегося кривыми Ростовскими переулками к Москве реке и ограниченного с Северо-Запада Бородинским мостом, а с Юго - Востока - Новодевичьем монастырем. В центре материка был огромный, по моим тогдашним понятиям, сквер - Девичье поле, на котором стоял хмурый, высеченный из гранитной глыбы, идол, задумчиво глядящий из под нависших бровей и засунувший за пояс пальцы- Лев Николаевич Толстой.

.....

....

Однажды, гуляя по Лондонской Белгравии, я зашел в небольшой парк, что на центральной площади. Погода была прекрасная, по парку прохаживалась дама с собачкой, мы улыбнулись друг другу (в смысле- я и дама), я сел на лавку и раскрыл книгу. Постепенно небо стало хмуриться, я решил, что пора сматываться, но не тут-то было...Парк был обнесен высокой чугунной оградой,

в ограде была калитка, которая оказалась запертой: видимо, дама, уходя, захлопнула калитку, и я оказался в клетке. Драматизма особого во всем этом не было: парк был прелестный, но сознание что я не могу из него выйти, меня раздражало. Я стал ходить вдоль ограды, тоскливо глядя сквозь чугунные прутья... По ту сторону решетки проходились какие-то люди, улыбались мне, кто-то даже помахал, но никому из них и в голову не пришло, что меня надо вызволять. В самом деле - если уж я оказался на территории, где при входе было ясно написано «private» (это я разглядел только, когда выходил), то у меня наверняка был ключ, а если ключа не было, то как я мог там оказаться?... Как они могли понять человека, который всю жизнь прожил в стране, где все было общее, где идти можно было куда угодно, а если ненароком попадал туда, куда идти не следовало, тебе просто кричали: «Стой! Куда идешь!? А ну, вали назад!»...и не допускали этих унижительных, двусмысленных ситуаций...

Делать было нечего. Я порадовался, что туча обошла стороной, сел на лавку и продолжал читать. Через какое-то время, увидел, что по парку на велосипеде катается какая-то девочка. Я лениво встал и неспеша направился к выходу.

.....
.....

Девичье поле никто не огораживал решеткой- была, правда, низенькая ограда, но через нее спокойно перешагивали. Там все гуляли свободно: малыши резвились на детской площадке; зимой скатывались на чем попало с горки у подножья памятника Льву Толстому; молодежь каталась на коньках на стадионе Юных пионеров, примыкавшему к Девичьему полю, а влюбленные, как им и положено, сидели на скамейках под прекрасными липами (это, конечно, летом) и что-то там делали.

Эту оживленную жизнь Девичьего поля охраняло, расположенное по другую сторону улицы, спокойное могучее здание Военной Академии им. Фрунзе. Оно представляло собой квадрат не слишком высокий, но очень гранитный, с огромной широкой лестницей и мощными парапетами, по которым я любил расхаживать, заражаясь силой от них исходящей. Здание это как бы никем не охранялось- по крайней мере я не помню часовых или что ни будь в этом роде- да и кому могло бы придти в голову посягнуть на такое могущество? Для вящей убедительности на одном из крыльев Академии стоял танк.

Фасад Академии смотрел на Девичье поле, правый ее фланг на Плющиху, а левый на Новоконюшенный . С него то и начинались эти кружева переулков, тянувшихся от Девички до Бородинского моста, огороженные справа Садовым кольцом, а слева Москвой рекой. Вот они- эти переулки: Долгий, Новоконюшенный, Серпов, Земледельческий, три Неополимовских, Ружейный и, спускающиеся к Москве реке, семь Ростовских.....Седьмой Ростовский проходил через высокий бугор, на котором стояла знаменитая Алферовская гимназия, превращенная в 31-ю среднюю школу, где я проучился десять лет, а затем деградировавшая в нарсуд, где, судя по фильму « Мимино» судили Бубу Кекабидзе. Заканчивался Седьмой Ростовский в низине, где находились известные всей округе Виноградовские бани.

Если, идя по Плющихе, перейти границу - улицу, спускающуюся от Смоленской площади к Бородинскому мосту, то оказываешься в злочном районе Проточных переулков, славящихся бандитизмом и проституцией... Можно, конечно, ехать и на трамвае: сесть, скажем, на 31-й у булочной на той же Плющихе и ехать мимо кинотеатра "Кадр", мимо Смоленского метро, спускаясь в гущу Проточных переулков и выезжая к Новинскому бульвару, Горбатову мосту и женской тюрьме...,но я предпочитал гулять, и все эти слова: бандитизм, проституция, женская тюрьма...придавали остроту и трепетность фантазиям, во власти которых я жил.

По другую сторону Девичьего поля вдоль Москвы- реки располагался более фешенебельный район. Здесь были небольшие парки, медицинские институты. клиники, и главная артерия этого района- Пироговка плавно спускалась в низину, увенчанную куполами Новодевичьего монастыря. Подле монастыря не было ни пруда, ни лебедей, ни уток, и там нельзя было, как сейчас, прохаживаться и выгуливать собак, потому что на этом месте красовалась огромная свалка мусора.

Но сам монастырь, или по крайней мере Храм в нем, действовал и в те годы.....

Я помню как однажды - это, видимо, было где-то в конце войны,отец водил меня на Пасхальную службу. Помню лишь , что в церкви было тесно и душно, и толпа как-то раскачивалась из стороны в сторону...В какой-то момент мне стало дурно, и отец протиснулся к левому клиросу, и выволок меня

наружу...Слова эти мне очень понравились, и я потом гордо рассказывал знакомым, что мы вышли через " левый клирос " .

Была ранняя весна, мы шли по Пироговке, а дома нас ждала мама с куличом и крашенными яйцами...

Рельеф берегов Москвы- реки, также как и многих наших среднерусских рек являются собой череду " крутцов" и " плосок ". Моя 31-я школа стояла на крутце, а напротив нее на плоском берегу был Киевский вокзал. Затем мой берег выполаживался и за Новодевичьем монастырем становился низиной , именуемой Лужники, тогда как противоположный берег, наоборот, переходил в крутизну Воробьевых гор, увенчаных церковкой , в которой венчался Суворов...

Ни нового здания Университета, ни трамплина, ни смотровой площадки тогда, разумеется, не было.....Но излучина Москвы- реки, переходящая в Крымский брод, расплывающаяся в болтах Балчуга, и возвышающаяся Кремлевским холмом -существовала всегда... А иначе ничего бы и не было.

И все же центром притяжения в первые послевоенные годы был отнюдь не Новодевичий монастырь, а двор нашего дома , соединенный бесчисленными проходными дворами с Плющихой, Ружейным, Садовым кольцом и...казалось, со всем миром....

Когда война кончилась, мне было неполных одиннадцать лет, и, именно, с этого времени я веду свое настоящее летосчисление. Именно в этом возрасте я начал чувствовать вкус к жизни и наплывы мощного эротического потока, который нес меня все годы, и в котором продолжаю барахтаться и по сей день.

Первые сексуальные переживания я отношу к своим восьми годам, то есть к 42-му году, когда я пошел в 1-й класс. Связаны они с маленькой беленькой девочкой- таким барашком, ни лица, ни имени которой я, разумеется, не помню. Помню лишь, что мне долго и настоятельно хотелось увидеть как она плачет...В какой то момент судьба пошла мне навстречу: учительница ее отругала, девочка заплакала и я испытал, что то вроде психического оргазма....

Другое впечатление было пару лет спустя, когда мы (дворовые мальчишки и девчонки) открыли для себя прелесть чердака.....

В двухэтажном оштукатуренном доме, где мы жили в Ружейном переулке, был черный ход, через который по деревянной лестнице можно было подняться на второй этаж, а оттуда по еще более узкими и крутым ступеням- на чердак. Пол чердака был покрыт смесью песка и пыли и перегорожен деревянными балками, поддерживающими крышу. Там было полутемно и пахло затхлостью, что придавало всей атмосфере некую интимность и таинственность. Потолком служили скосы железной крыши, на которую можно было выбраться через слуховое окно... выбраться, увидеть двор, тополя, ощутить волю и бегство из сладкого плена, потому что чердак с его теснотой, с его завораживающим запахом, со всякой рухлядью, валявшейся по углам, был именно " сладким" пленом... Однажды, после того как я вылезал на крышу, чтобы посмотреть салют- это был 43-й год- первые победные салюты- я заблудился на чердаке, потерял слуховое окно, пережил ужас и панику и спасся лишь, нащупав дыру в полу, где начиналась лестница, ведущая на черный ход....

Девочка Лора - года на два старше меня ,была веселая, озорная и лживая - качество, которое меня всегда волновало в женщинах....Однажды она попросила бутерброд с сахарным песочком- большая роскошь по тем временам - чтобы только попробовать и отдать, а потом с виноватым видом сообщила, что случайно (бутерброд был завернут в газету) уронила его в унитаз и спустила воду. Мои родители были возмущены и говорили, что это- ложь. Я тоже понимал, что так оно и есть, но ложь эта меня не сердила- Лора была мне мила.

Однажды, когда мы играли с ней на чердаке, она вдруг сделала какое-то движение, присела рядом со мной, и я понял, что она писает. Я остолбенел. Прошло 55 лет. Не помню во что мы играли, не помню, что было "до", что было "после", но эта сцена у меня перед глазами.

Была у нас еще (но это, наверное, попозже чем "сцена на чердаке") такая игра. Мы бегали по двору: Лора, я, Женя Глазго, ее сестра-Инна, Вовка Ромашевский, еще кто-то...выбирали жертву, накидывались на нее и прикасались под одеждой ко всем интимным местечкам, до которых удавалось добраться....а потом хвастались: как и куда...Впрочем, все эти эротические

игры не заходили слишком далеко. Помню, как наигравшись, мы пошли как-то ночевать к Жене Глазго и спали на полу вповалку. Единственное воспоминание об этой первой ночи, проведенной с женщинами, - масса клопов, которые лезли из всех щелей.

Поэтому, когда начало светать, я убежал к себе домой, где их было поменьше.

Постоянным маршрутом моих прогулок в те годы были переулки: Ружейный, Земледельческий, Первый Неополимовский, Третий Неополимовский и Долгий, выходя на который я оказывался рядом с высоким серым домом, где в разное время жили мой одноклассник Эдик Голоскер и Василий Кандинский. Кандинскому посвящена мемориальная доска, Эдик, увы, ее не удостоился. А ведь именно к нему, прогуливая уроки, я заходил, по дороге в святилище, расположенное напротив - клуб Горького... Невзрачное здание, которое, наверное, не задумываясь, снесли при реконструкции Зубовской площади... Но в этом здании, в кинозале с низким потолком и обшарпанными стенами, в первые послевоенные годы, открылся мир, о существовании которого мы-дети войны, даже не подозревали: небоскребы, шикарные рестораны; всадники в широкополых шляпах, несущиеся по прериям, распахивающие дверь в баре, заказывающие виски, вынимающие изо рта сигару, выхватывающие из-за пояса пистолет; прекрасные женщины, вальсирующие на балах, а потом, томно стоящие у окна, за которым кипарисы, сад, залитый луной и волны моря мягко шелестят о прибрежный песок... Здесь- ребята, гоняющие по двору консервную банку, там- Дуглас Фербенкс, сражающийся на рапирах с очередным негодяем; здесь- свалка мусора, там- Индийская Гробница; здесь- Владимир Бунчиков: "Летят перелетные птицы...", там Бениамино Джильи : " Горели звезды, благоухала ночь, дверь тихо отворилась, любимая вошла и на грудь мне упала. " Упала МНЕ на грудь!...Какая там школа! Какая к черту физика!

Эти фильмы, 30-х годов, вывезенные из побежденной Германии демонстрировались полуофициально в клубах и маленьких кинотеатрах. На афише не значились ни название, ни страна...просто "кинофильм". Но как волнующа, как таинственна была эта афиша... просто "кинофильм"..Истина открывалась только, когда в зале гас свет. " Мститель из Эльдорадо"!...Карета останавливается, из нее выходит незнакомка. Она делает всего несколько шагов и, пронзенная пулей, падает кому-то на руки. Она жила на экране не

более трех минут, а я потом мечтал о ней целый месяц...и мы часами гуляли с ней по Девичьему полю...

Вот Грета Гарбо. Она так слаба, что едва может подняться с кресла. Ее прекрасная рука с трудом дотягивается до стакана с водой...Она уже не ждет Альфреда- она в нем разочаровалась- она уже ничего не ждет... Но Я- я ее врач, я знаю как вылечить ее заболевание... "Обопритесь на мою руку, доверьтесь мне...все будет хорошо..." Она поднимает на меня глаза, в которых вдруг появляется надежда... Дальше все расплывается, но это и неважно- мы вместе...

Да! Главным героем всех этих фильмов, в конце концов, всегда был я.

Окна- это уже другой сюжет, другой кинофильм о послевоенной Москве с ее бесчисленными проходными дворами, в каждом из которых был свой темный поворот, пожарная лестница на стене дома, глухой уголок, пробираться к которому приходилось через какие то железяки, и вождеденное окно на первом этаже... Сколько часов проводил я, прижавшись к стене, затаившись и жадно вперившись в эти окна. Мне редко везло, но иногда все же что-то удавалось увидеть....Вот женщина, на ней только комбинация, она что-то делает с волосами, я не могу разглядеть ее толком: все внутри меня слишком стучит, слишком томится; она отходит и я перестаю ее видеть, но завтра- опять сюда, опять на свой пост, опять погружаться в этот дурман, в это ожидание неизвестно чего... Нет! Почему неизвестно? Это - женское тело. Женское тело открылось мне во время моих вечерних блужданий по переулкам и проходным дворам, это оно сделало меня пленником и часовым, охраняющим и благословляющим обрывки жизни, оставленные незашторенными окнами...

А потом все это сразу оборвалось. Я встретил ее- мою Беатриче и для меня перестали существовать все другие женщины....Я увидел ее в клубе "Каучук ", когда она выбежала из пансиона, взволнованная и радостная в своей смешной шляпке и с чемоданчиком в руках; увы, никто из близких ее не встретил , ведь родители умерли, а богач-дядя, который платил за учение в пансионе, нисколько ею не интересовался. Какое счастье, что я в это время как раз стажировался в Америке!

- Простите, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

- Нет, нет, благодарю вас,

- Послушайте, ну не потащите же вы сами этот чемодан. Мой автомобиль к вашим услугам. Как вас зовут?

- Конни.

- Прекрасно. А я - Владимир...

И я отвез ее к дяде и сделался свидетелем всех перипетий ее нелегкой жизни у него в доме, а потом, когда у меня уже не было больше сил смотреть на все это, да и срок моей стажировки в Америке подходил к концу, я уговорил ее уехать со мной в Москву.... Сейчас она живет на даче в Востряково, мы много гуляем, катаемся на велосипедах и собираемся пожениться.

Да, в Вострякове. Потому что именно в Вострякове- по Киевской железной дороге, в полчаса езды от Москвы- снимали мы дачу в те первые послевоенные годы. Именно в Востряково ездил я, сидя или стоя на подножке поезда, сходил на платформе под павильоном с остроконечной крышей, шел не спеша по утопанной дорожке, мимо дачных садов, из глубины которых доносилась патефонная музыка, мимо волейбольных площадок, мимо широких, поросших травой улиц, в просвет которых в вечерние часы виднелась светлая полоска Москвы...

А рядом со мной шла она или иногда ехала на велосипеде, причем с целым выводком подруг, ехала, насвистывая какой-то мотивчик, и птички на деревьях отвечали ей; и было это уже не в Вострякове, и не в Америке, а в какой-то швейцарской деревушке, в пансионе, куда отдала ее мать -ведь она была незаконнорожденная, и все это было большим секретом: она и сама не догадывалась, что мать ее такая известная актриса... Это был "Секрет актрисы".

Да, все, что было раньше, оборвалось....Могучий мутный поток, который нес меня через проходные дворы, мимо свалок мусора, мимо голубятен, мимо тополей, по лабиринту заборов и дворов, сквозь чердаки, забитые хламом, сквозь слуховые окна, выходящие на покатые крыши, вынес меня к клубу "Каучук", где на афише значилось: "кинофильм" - ни названия, ни страны, и я увидел ее и воспарил... Воспарил над послевоенной Москвой- как может воспарить мальчик, входящий в дом, где всю ночь кутили взрослые, где стол залит кровью вина, где всюду разбросана битая посуда и недокуренные папиросы, где пиршество войны смешало роскошь и убожество, где ни у кого

еще нет сил начать убирать и наводить порядок... И мальчик поïняется над этим «пейзажем после битвы» в парах молодости и похмелья и опускается в истому подмосковных дач, зеленых участков, волейбольных площадок, патефонной музыки, встречает девушку, выбежавшую из пансиона со своим чемоданчиком, и начинает любить в первый раз в жизни.

.....

.....

И вот в свои 67 лет я снова гуляю по Лондонской Белгравии. Выхожу из сквера, направляюсь к вокзалу «Виктория», откуда Пуаро и Хастингс спешили на виллу Женевьев, рассчитывая, что месье Рено еще жив...прохожу мимо Букингемского дворца, вхожу в парк Сент Джемс, что неподалеку от Темзы, стою на берегу пруда, по которому плавают лебеди, так же как они плавают по другому пруду, в водах которого отражаются стены и колокольни Новодевичьего монастыря, а неподалеку на набережной Москвы реки находится клуб Свердлова, и кривые переулочки поднимаются к Плющихе, где трамваи 31-й и 42-й останавливаются у булочной на углу Ружейного, и где можно сойти и дойти до кинотеатра "Кадр", не заходить в него, а только посмотреть афишу, и свернув в проходной двор, пройти мимо детского сада, выйти к дому 10, где мы жили во время войны и несколько лет после, но в него не заходить, а повернуть в Земледельческий, пройти мимо клуба офицеров, пересечь Неопалимовский, дойти до Долгого- там налево...

К клубу Горького и дому Кандинского не пойдём- мы там уже были, а свернем на Девичье поле...Вот они: бронетанковая академия; памятник Льву Толстому, скамейки под липами, купола Новодевичьего монастыря...все эти образы и миражи моего отрочества...

Они обещали мне длинную, прекрасную жизнь... и не обманули.